
Hope of Salvation Mission

Хесба Стреттон

И тению руки Моей покрою тебя

Миссия «Надежда Спасения»
Ванкувер

МСМ
Санкт-Петербург
2010

Серия «Дорога жизни»

© Издание на русском языке. Hope of Salvation Mission, 2010

P. O. Box 5022, Vancouver WA 98668-5022

Стреттон Х.

И тению руки Моей покрою тебя / Пер. с англ. — СПб.: ООО «МСМ», 2010. — 176 с. — (Дорога жизни)

ISBN 978-5-903010-20-2 (отд. кн.)

ISBN 978-5-903010-15-8

«И тению руки Моей покрою тебя» — вторая повесть Хесбы Стреттон, в которой она рассказывает о самом страшном и непостижимом явлении христианской веры — преследовании христиан христианами, о жестоких страданиях стойких в вере жен и детей штундистов среди бури преследований, с новой силой разразившихся в России. На этот раз идея полного искоренения штундизма состояла в том, чтобы отнять детей у родителей-штундистов и воспитать их в лоне Православной церкви.

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая фотокопирование и запись на магнитный носитель, без письменного разрешения издателя.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	7
1. Шотландские пресвитериане	9
2. Русские штундисты.....	14
3. Дома	21
4. Отдалившиеся друзья	25
5. В лесу.....	28
6. Детская молитва	32
7. Отец Кирилл.....	36
8. Жестокий удар	41
9. Доводы священника	46
10. Матери и чада.....	52
11. Трудная зима.....	59
12. Свой надзиратель.....	65
13. Отречение от веры	70
14. Маленькая Клава	75
15. Благословение еретикам	81
16. В Ковыльске.....	86
17. Письмо отца Кирилла.....	89
18. Пересылочная тюрьма	94
19. Большой сибирский тракт	98
20. Сережа	103
21. Похороны Марфы	108
22. Тюремная больница	113
23. Месяц за месяцем	119
24. Просительная песнь	124
25. Сон и смерть	130
26. Окончание пути	134
27. Новости от Демьяна	138
28. Церковные посеы	141
29. Бремя долга.....	148
30. Угнетатели Вели	153
31. Избавление	160
32. Письмо из Сибири	164

ПРЕДИСЛОВИЕ

Самое страшное и непостижимое явление христианской веры — это преследование христиан христианами. Преследование это абсолютно противоречит духу и учению Господа, Который сказал Своим апостолам, призывавшим небесный огонь на головы самаритян, которые не дали им крова: «Не знаете, какого вы духа; ибо Сын Человеческий пришел не губить души человеческие, а спасти» (Лк. 9:55, 56).

В моей предыдущей повести, названной «Путь скорби», я попыталась изложить религиозные догматы штундистов, рассказать о несгибаемой храбрости, с которой они их отстаивали. Я получила письмо из России, в котором говорится, что эта повесть соответствует истине. Книга «И тению руки Моей покрою тебя» рассказывает о жестоких страданиях стойких в вере жен и детей штундистов среди бури преследований, с новой силой разразившейся в России. На этот раз идея полного искоренения штундизма состояла в том, чтобы отнять детей у родителей-штундистов и воспитать их в лоне Православной церкви. Когда подобное применили в Средние века к евреям в Испании, многие родители делали страшный выбор, умертвляя своих чад.

При создании обеих книг я черпала знания во многом из двух источников. Первый — это брошюра «Штундисты: история великой борьбы за веру» (*The Stundists: the Story of a Great Religious Revolt*), опубликованная в 1893 году издательством James Clarke & Co. Второй — это ценное исследование Джорджа Кеннана, озаглавленное «Сибирь и ссыльная система» (*Siberia and the Exile System*), из страниц которого я взяла множество

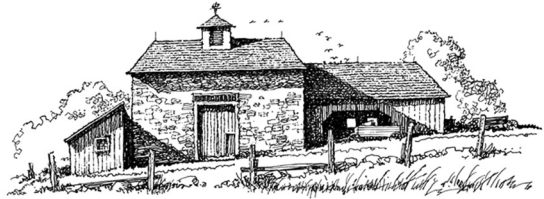
деталей долгого перехода по Восточной Сибири. Обе упомянутые истории печальны, но правдивы. Я искренне прошу моих читателей задуматься над словами нашего Господа: «Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах; так гнали и пророков, бывших прежде вас» (Мф. 5:11, 12).

Это благое напутствие исполняют штундисты.

Хесба Стреттон
1897

ШОТЛАНДСКИЕ ПРЕСВИТЕРИАНЕ

«Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков: итак будьте мудры, как змии, и просты, как голуби» (Мф. 10:16).

Мальчик, читавший чистым, негромким голосом и с легким чужеземным акцентом, почувствовал слабое пожатие материнских рук и взглянул на ее бледное, безмятежное лицо. Он стоял на коленях возле ее постели, а она, убрав со лба его темно-русые кудри, ласково смотрела в чистые мальчишеские глаза.

— Все верно, сыночек, — сказала она, — подумай над этим. Мне уже поздно. Он призывает меня к Себе, а вот тебе и твоему отцу Он заповедует быть овцами среди волков. Ах! Господь Иисус знает, Он знает теперь. Никогда не думай, что Он отвернулся и не ведает о твоих скорбях. Ты возвратишься к отцу, когда я буду дома — но уже не в Кнышах, я больше никогда не увижу Кныши. О, если бы я только знала, что вернусь домой на небеса именно отсюда!

Слабый, срывающийся голос ненадолго умолк; но глаза матери по-прежнему взирали на сына с любовью и тревогой.

— И вот еще что, Миша, — продолжила она, — будь мудрее! Не гневи ближнего сверх меры, старайся сдерживаться. Ты всего лишь мальчик, и они оставят тебя в покое, если ты смиришься. «Будьте просты, как голуби», — сказал наш Господь.

— Но ты же не хочешь, чтобы я был трусом, мама?! — пылко ответил мальчик.

— Это я-то, Миша?! Я?! — воскликнула она, и легкий румянец залил ее лицо. — Нет, нет! Разве мои прямые предки не пресвитериане? Со стороны отца и матери! Разве не страдали они, не потеряли все? Разве не умерли за веру? Нет, Миша, я пошлю тебя на смерть ради правды, если потребуется. Но тяжело думать о том, чтобы такие юные создания жестоко страдали оттого, что родители строги в своей вере. Ах, Миша, ах, моя маленькая Веля!

Она откинулась на подушки, сомкнув веки, и слезы потекли по ее щекам. Миша не стал читать дальше. Оба сейчас думали о том дне, когда двенадцать месяцев назад Катерина Иванова покинула свой дом в России, в рассуждении, что воздух родной Шотландии поможет ей восстановить здоровье. Миша сопровождал ее, будучи достаточно взрослым, чтобы стать помощником и утешителем во время долгого пути из Одессы в Глазго и жизни среди сородичей. В целом это был счастливый год, поначалу полный иллюзорных надежд. Но теперь все они улетучились. Она не перенесет долгого обратного плавания и тряской дороги.

Дом ее брата, в котором женщина лежала на смертном одре, был небольшой шотландской фермой, весьма напоминающей тот крестьянский двор, который она оставила в России. Она лежала тихо, с тоской вспоминая о нем. Толстые саманные стены, широкие подоконники; большая общая комната с дубовым столом и дубовыми скамьями, которые она всегда тщательно начищала; огромная печь, заполнявшая собой чуть ли не полкомнаты; внушительные амбары и загоны, выстроенные по периметру скотного двора. Ах, если бы она могла теперь оказаться там! Она хотела бы отойти к Господу в маленькой спальне, выходящей в просторную столовую; она видела бы, как печалится ее муж, и взором искала бы дочь Велю. Ее дом в Кнышах был лучшим в селе, размером почти с дом священника; и она втай-

не гордилась этим. Сад с восточной стороны дома превосходил поповский сад, ибо они с мужем любовно ухаживали за ним. Был почти конец февраля; снег скоро сойдет, на фруктовых деревьях набухнут почки, а первоцветы начнут пробивать свои нежные росточки сквозь влажную землю. О, как они были счастливы в Кнышах, она и муж!

Прошло восемь лет с тех пор, как они приехали туда с двумя маленькими детьми и арендовали хозяйство, принадлежавшее двоюродному брату ее мужа, Павлу Руденко, сосланного в Сибирь за стойкое следование штундистской вере. Тогда началось жестокое преследование, в ходе которого трое главных штундистов были отправлены в тюрьму — и один из них умер в застенках; а мать Павла Руденко пала жертвой озверевшей толпы. Было кое-какое официальное расследование причин ее смерти; никого не наказали, но крестьяне, очнувшись от помрачения совести, крепко каялись. С тех пор штундистов не трогали; их, по большому счету, предоставили самим себе, практически исключив из сельской жизни. Алексей Иванов был у них пресвитером; и, хотя час и место молитвы скрывались, всем было хорошо известно, что штундисты хранят свою веру.

Алексей Иванов в своих письмах рассказывал жене, что, по некоторым признакам, этому спокойствию наступает конец. В Кнышах был теперь добрый священник, отец Кирилл, заменивший прежнего батюшку, который восемь лет назад собственноручно и разжег ненависть. Но были предзнаменования новых тяжелых времен для штундистов. Староста, главное мирское лицо в селе, был жестоким изувером и человеком жадным до денег; в его власти было учинить каверзу всем тем, кого он не любил. Алексею уже приходилось выплачивать бесконечные штрафы за себя и более бедных штундистов; а поборы все росли. Бесполезно было обращаться в суды или к властям по поводу этой несправедливой и разорительной дани. Разве они не штундисты, и какая у них может быть защита? Однако он надеялся, что притеснения сведутся только к деньгам.

«Я бы отправил Велю к тебе, от греха подальше, — писал он, — если бы посчитал, что Охрим не остановится на деньгах. Но он любит их, и будет доволен тем, что обирает нас; овец, приносящих прибыль, не забывают. Веля — это мое самое большое сокровище, мое единственное счастье, теперь, когда тебя и Миши нет рядом. И все же, если на то будет воля Господа, я пожертвую детьми, как бы ценны они ни были для меня. Моя Катерина, эта жизнь — всего лишь дорога, и она очень коротка, что бы там ни говорили о долгом пути. Да и важно ли, придем мы к концу скоро или пробудем в дороге немного дольше? Легко ли или тяжело нам идти? Будем работать, пока день, ибо «приходит ночь, когда никто не может делать» (Ин. 9:4). А с наступлением ночи мы идем домой, чтобы наслаждаться отдыхом вместе с любимыми».

Это было его последнее письмо; оно лежало у нее под подушкой.

Миша поднялся с колен возле постели матери и подошел к окну в свинцовом переплете, откуда были видны далекие горы, все еще в снежных шапках. Перед домом лежала живописная долина, прибежище пресвитериан в давно минувшие времена, когда им приходилось тайно молиться Богу. В помещении ниже, с одной стороны широкого, старинного открытого камина, была небольшая кладовка площадью в четыре фута, умело спрятанная за деревянной обшивкой. Здесь множество раз укрывались молящиеся, в то время как их преследователи разыскивали их на ферме либо сидели у огня, кляня собственные тщетные усилия. Эти места породили множество легенд о пресвитерианах, и Миша знал их; он внимал им с неослабным интересом последние двенадцать месяцев.

Он всем сердцем стремился домой, к отцу и Веле, особенно теперь, когда нависла угроза новых преследований. Он любил Россию с горячим мальчишеским патриотизмом. Он внутрен-

не страдал от своего затянувшегося изгнания, однако же, как ему казалось, успешно скрывал от матери свою тоску по дому. Вскоре все закончится. Но слезы душили его, ибо только после того, как любимая его матушка пройдет вратами смерти, которые уже медленно растворялись перед нею, он будет свободен, чтобы поспешить домой.

— Миша! — громко воскликнула мать.

Он бросился к ней. Она приподнялась в постели, и лицо ее вдруг осветилось несказанной радостью.

— Я умираю! Но ты не печалься! — сказала она. — Скажи отцу, что смерть прекрасна! И я не одна — нет, я не одна!

РУССКИЕ ШТУНДИСТЫ

Три недели спустя Миша отправился домой на судне, шедшем из Глазго в Одессу. Его дядя Сэнди Гордон проводил его до Глазго, не желая расставаться с мальчиком, которого так тепло полюбила шотландская родня. Они уговаривали его пожить у них; но он и слышать об этом не хотел. Его тоска по родине только возросла после смерти матери, и он с новой силой стремился в обратный путь, дабы пересечь бескрайние степи и вдохнуть весенний ветер, полный цветочных ароматов. Он тосковал по звучанию родной речи, песням, которые так любил его народ. К этому естественному чувству любви к своей стране присоединялось желание мальчика разделить с отцом и сестрой все опасности, которые могут выпасть на их долю.

— Нет, дядя Сэнди, — сказал он, обняв дядюшку, и русая мальчишеская головка слилась с его сединами, — я русский, должен жить дома и помогать своим.

— А если они отправят отца в Сибирь, мальчик мой, так же, как его кузена Павла Руденко, что вы будете делать, ты и Веля? — спросил Сэнди Гордон.

— Будет так, как скажет отец, — ответил Миша. — Если он пойдет в Сибирь, я хочу пойти с ним. Но Веля еще такая малышка! Папа подумает о нас. Она такая слабенькая, наша Веля.

— Мальчик мой, — сказал серьезно Сэнди, — запомни, что ты и Веля всегда найдете у нас свой дом. Ради Катерины и ради вас самих, Миша, мы примем вас в любое время. Кроме того, в Одессе живет один из наших. Это состоятельный человек, торговец зерном по имени Джон Гордон. Если окажешься в беде, вспомни о нем, мальчик мой; он поможет тебе, ибо у него есть для этого и средства, и желание.

Сэнди Гордон дал Мише письмо, адресованное родственнику в Одессе; его надо было доставить по пути из порта на железнодорожный вокзал, откуда Миша отправится на станцию, расположенную примерно в пятидесяти километрах от Кнышей — села, где был его дом с самого детства. На этой станции его должен встречать отец. Несколько лишних часов в Одессе казались ему досадной задержкой; однако старый коммерсант был рад мальчику и весточке из Шотландии. Он пообещал любую помощь, какая потребуется, если разразится беда, которую предвидел Алексей Иванов.

Весенняя пора в тех местах была во всей красе, когда он добрался до станции, где его встретил отец на телеге, запряженной старой кобылой, которую так часто Миша кормил сам. Прошедшая зима с ее суровыми ветрами была уже позабыта, а изнуряющий летний зной был еще только впереди. Сердце мальчика разрывалось от противоречивых чувств. Смерть матери все еще наполняла его неизбывной скорбью; но радость возвращения к отцу и Веле была не менее сильна. Он несколько не утомился после долгого и трудного путешествия, и, хотя душа его восторгалась звуками русской речи вокруг, почти весь путь из Одессы он молчал, погружившись в воспоминания.

Отец стоял у телеги возле ограждения; высокий, сильный мужчина средних лет с серьезным и красивым лицом, благородной осанкой, очень непохожей на грубые и неотесанные фигуры большинства русских крестьян. Он смотрелся среди них предводителем. Миша впервые осознал это, ощутив новую

гордость за отца. Уезжая год назад из дома, он еще не понимал, что его отец — настоящий мужчина. Но в Шотландии, где его память наполнилась историями о несгибаемой храбрости пресвитериан, противостоявших королю и его солдатам, когда они пытались отнять у них свободу веры, он узнал, что его отец — такой же стойкий борец, каким были они. Теперь он увидел это собственными глазами.

Он бросился в объятия к отцу, а тот осыпал его поцелуями, обливаясь горячими слезами. Оба вспомнили, один о жене, другой о матери, похороненной далеко отсюда. Они молча забрались в телегу и поехали прочь от шумной толпы, собравшейся на станции.

Все вокруг казалось Мише таким новым и одновременно таким знакомым, что он подумал — это сон, один из многих снов о России, которые он видел, живя в Шотландии. Отец, сидевший рядом; громкий скрип колес, который, должно быть, слышали за полверсты отсюда; ухабистая дорога; неспешная трусца старой кобылы — было ли это все наяву? Или он вот-вот проснется и снова увидит нежно-зеленую долину за окном дядюшкиной фермы? Пока что глазу не за что было зацепиться — лишь огромное ровное пространство и непрерывная линия горизонта, похожая на кромку неба над морем. Там, где можно было возделывать землю, виднелся полупрозрачный нежно-изумрудный ковер поверх богатого чернозема. Это показалась молодая пшеница, которая скоро заколосится волнами под летним солнцем. На диких участках степи появились бесчисленные цветы, а над ними тучами кружились бабочки и пчелы. Крик кулика, любителя уединенных мест, сопровождал их верста за верстой. Ни амбара, ни жилья не было видно на всем этом необъятном просторе. Отец с сыном ехали почти в полном молчании, произнося время от времени скудные фразы. Им надо было так много сказать друг другу, что они не знали, с чего начать. Вскоре мягкий нежный ветерок коснулся щеки Миши, и ему показалось, что это мать поцеловала его.

— Отец, — произнес он, взглянув на печальное, но спокойное лицо отца, — мама просила передать тебе, что смерть прекрасна! И ее лицо говорило об этом, оно было радостным. Да, так она и лежала в гробу.

— Благодарение Богу! — сказал Алексей Иванов, воздев взор к безоблачному небу над ними. — Хвала Тебе, о Господи, что Ты избавил ее от грядущих бед. Она была слишком нежна, чтобы перенести их. Мы, мужчины, Миша, можем выдержать любые испытания как воины нашего Господа Иисуса Христа, но на сердце больно за женщин и детей.

Сердце мальчика воспрянуло от восторга, когда его отец произнес «мы, мужчины». Значит, его больше не считают ребенком; это был призыв к вступлению в ряды храбрых людей. Он был готов повиноваться призыву и жаждал испытаний. И все же, будто он уже действительно стал мужчиной, момент ликования сменился пронзительным страхом, как только он вспомнил о Веле, своей маленькой сестричке, которая разделит с ним все будущие горести и скорби. Почему никогда ранее он не испытывал этого беспокойства за сестру? Неужели он и вправду так повзрослел?

— Но разве Бог не сможет спасти нас? — спросил он через некоторое время.

— А что ты имеешь в виду под спасением? — переспросил отец.

Миша ответил не сразу. Он хотел сказать, что Бог мог дать им свободу веры, свободу молиться согласно своим догматам, за что шотландские пресвитериане боролись так долго и храбро. Но он знал, что догматы штундистов запрещали всякое сопротивление силой, учили подчиняться властям во всем, кроме принуждений в вере. Более того, он многое повидал в Шотландии и не был убежден в том, что шотландский народ обрел спасение. Разве не видел он пьянства, не менее буйного, чем в России? Разве не было там лжи, бесчестия, злобы и множества прочих грехов?

— Я не могу сказать, что имел в виду, — ответил он наконец.

— Христос пришел, дабы спасти нас от наших грехов, — ответил отец, — а не от скорби. «В мире будете иметь скорбь» (Ин. 16:33), — сказал Он. История Его последователей была одинакова во все поколения и во всех странах. Церковь всегда строилась на крови мучеников. Так же, как мы молотим цепами зерно из соломы, удар за ударом, так и мир будет сечь нас. Но Бог соберет Его зерно в Свою житницу; ни одно зернышко не потеряется, и ни один плевел не попадет туда. Мир — это тот же цеп, сын мой; но он в деснице Господней.

— Начались преследования, отец? — спросил Миша.

— Они не прекращались, — ответил отец, — но теперь становится жарче. Охрим сделался старостой вместо Савелия, и не найти более бессердечного и жестокого человека во всех Кнышах. Отец Кирилл не может удержать его. Он святой человек и христианин, наш батюшка, а вот Охрим — его злейший враг. На прошлой неделе Харитона Кондратьева забрали в Ковыльск и бросили в тюрьму. Я полагаю, что следующим схватят меня. Пока меня не трогают, потому что я плачу все штрафы, которые придумывает староста; но хозяйство мне не принадлежит, я всего лишь арендатор. Это двор Павла Руденко. Сам-то он уже несколько лет в Сибири. А старый Карп позаботился, чтобы двор не конфисковали, потому что все перейдет к его дочери, жене Павла, если Карп умрет первым. Но, как бы там ни было, настанет и мой черед.

Отец и сын снова замолчали. Миша живо представил себе преследования в Кнышах. Вместо волшебных сказок и былин, которые слышат другие дети от старших, он все свое детство внимал историям о мучениках — мучениках в Шотландии и мучениках в своей стране. Даже милый дом, в котором они жили, был местом страданий; сама скамья, на которой они сидели возле печки, была смертным одром матери Павла Руденко. Однако до сих пор он считал преследования чем-то давно минувшим или происходившим в далеких селах; но вот теперь он оказался с ними лицом к лицу.

Пока что жизнь была прекрасной. Он глубоко вдыхал сладостный и свежий воздух весны, вглядывался в ясное голубое небо, пытался заглянуть за край огромной равнины, похожей на океан. Сердце радостно билось просто оттого, что вокруг была жизнь. Его душа питалась храбростью, надеждой и непоколебимой верой его отца. Какие бы беды ни нагрянули, он выдержит их, как его предки среди вересковых холмов Шотландии. Когда он задумался об этом, то вспомнил, что лишь небольшое число пресвитериан действительно погибло; большинство из них выжило и добилось свободы для себя и своих детей. Так будет и со штундистами на святой Руси.

Они добирались домой пять дней, ибо Алексей воспользовался случаем, чтобы навестить разбросанные общины штундистов, уже охваченные страхом и смятенные перед лицом жестоких гонений.

Алексей был не только дьяконом маленькой церкви в Кнышах; он был пресвитером большой округи, где было множество церквей. Он был в постоянной связи со ссыльными штундистами и брошенными в тюрьму; управлял средствами для поддержания членов общины, находящихся в самом отчаянном положении. Следовательно, у него было очень много дел, и ему приходилось утешать и наставлять многих. По сравнению с другими пресвитерами и дьяконами, он был богат и образован; он бывал в других странах, а его жена обладала скромным состоянием, надежно вложенным в Шотландии.

В каждом селе они встречались с ужасом и скорбью. Повсюду сновали шпионы, и было невозможно проводить регулярные встречи. Алексей не решался созывать собрания прихожан, как делал всегда. В двух или трех местах ему рассказывали настолько страшные вещи, что он не давал Мише слушать. Алексей везде проповедовал непротивление; не из соображений политики, но скорее по наставлению нашего Господа: «А Я говорю вам: не противься злему» (Мф. 5:39). Если они не смогут преодолеть зло, повинувшись заповедям Иисуса Христа, то должны погибнуть.

В некоторых селах он видел, как самые робкие из штундистов возвращались в Православную церковь, и этих надо было опасаться более, нежели шпионов. Но во всех общинах были и те, кто готов был пойти за свою веру в ссылку и даже на смерть. Это были бедные работники и работницы, словно те плотники и рыбаки, что стали первыми учениками нашего Господа. Алексей встречался с ними тайно и поднимал их дух. Страдать за Христа — значит царствовать с Ним. На одной чаше весов были малые, преходящие скорби; их многократно перевешивала вечная слава на другой чаше!